

М. БЕРЕЖКОВЪ.

**ДРЕВНѢЙШАЯ КНИГА
КРЫМСКИХЪ ПОСОЛСКИХЪ ДѢЛЪ**

1474—1505 г.г.

СИМФЕРОПОЛЬ.

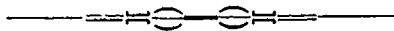
ТАВРИЧЕСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1894.

М. БЕРЕЖКОВЪ.

**ДРЕВНѢЙШАЯ КНИГА
КРЫМСКИХЪ ПОСОЛЪОНИХЪ ДѢЛЪ**

1474—1505 г.г.

Оттискъ изъ № 21-го Извѣстій Таврической Ученой
Архивной Комиссиі.

СИМФЕРОПОЛЬ.
ТАВРИЧЕСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1894.

ДРЕВНѢЙШАЯ КНИГА КРЫМСКИХЪ ПОСОЛЬСКИХЪ ДѢЛЪ.

(1474—1505 г.г.).

Самая древняя посольская книга крымскихъ дѣлъ, она же первая изъ всѣхъ посольскихъ книгъ стараго Посольскаго Приказа, доселѣ сохраняемыхъ въ Главномъ Архивѣ Минстерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ, есть драгоценный памятникъ нашей государственной старины. Древнѣйшая по времени происхожденія, она очень важна по богатству содержанія и своеобразна по способу составленія. Обнимающая значительную часть времени, именно слѣшкомъ 30-лѣтній періодъ, она представляетъ собой цѣльную лѣтопись посольскихъ сношеній Іоанна III Васильевича съ его союзникомъ, крымскихъ царемъ Менгли-Гиреемъ, и не съ однимъ только имъ: въ эту же книгу внесены дѣла по сношеніямъ съ турецкою Кафой и съ Царегородомъ; въ ней же не мало данныхъ по сношеніямъ съ Казанью, съ Молдавией, съ Угріей и съ Польско-Литовскимъ государствомъ, поскольку дѣла и отношенія всѣхъ этихъ земель соприкасались между собой для Московскаго государства и Крыма. Лѣтопись почти непрерывная изложена очень обстоятельно: она есть мастерское въ своемъ родѣ произведеніе приказныхъ посольскихъ дьяковъ великаго князя Іоанна III-го; подъ ихъ перомъ политическая мысль Іоанна Великаго получила искусное выраженіе, а всѣ посольскія дѣла—ясное, отчетливое изложеніе. Даже съ татарскими документами совладѣли въ Посольскомъ Приказѣ Іоаннова времени: за небольшими исключеніями эти документы переведены или изложены въ книгѣ довольно понятно, а въ сооставленіи съ русскими дѣлами почти сплошь уясняются. Въ цѣломъ древняя посольская книга крымскихъ дѣлъ представляетъ собой перворазрядный источникъ для исторіи Московскаго государства въ XV-мъ и XVI-мъ в.в., въ особенности для исторіи отношеній его къ восточному мусульманскому міру.

Въ настоящемъ опытѣ мы желаемъ дать описаніе этой книги и пред-

ставить разборъ ея состава и содержанія; намъ желательно разобрать ее именно какъ книгу и какъ источникъ историческій. Она заслуживаетъ полнаго вниманія, тщательнаго изученія научнаго.

I. Внѣшность книги и ея внѣшняя судьба.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что посольская крымская книга Иоаннова времени, нынѣ въ Архивѣ раздѣленная на двѣ книги въ двухъ особыхъ переплетахъ, по первоначальному плану составителей ея представляла собой одну цѣльную книгу: это видно изъ того, что она имѣетъ сплошную нумерацію. Эта нумерація двойная: внизу по тетрадамъ и вверху по страницамъ. Всѣхъ тетрадей въ книгѣ 72. Онѣ неравнаго объема: обыкновенно въ восемь листовъ, но есть въ десять, даже въ четырнадцать листовъ; есть и меньшія—въ шесть и четыре листка. Въ начальной тетради—шесть листовъ стараго письма, да одинъ новаго, взамѣнъ изветшавшаго стараго; восьмой заглавный листъ вѣроятно давно оторвался; равнымъ образомъ и въ послѣдней тетради, состоящей теперь изъ шести листовъ, недостаетъ, вѣроятно, одного или двухъ листовъ. Тетради пронумерованы такимъ образомъ, что въ началѣ и въ концѣ каждой тетради поставлена славянская буква, а каждая слѣдующая тетрадь отмѣчается также вдвойнѣ нодою буквой въ порядкѣ славянскаго числительнаго алфавита. Сверху по страницамъ идетъ позднѣйшая нумерація арабскими цифрами: всѣхъ страницъ въ книгѣ 1170. (Первоначально по ошибкѣ было сосчитано только 1030 страницъ). Впослѣдствіи времени слишкомъ объемистая въ толщину книга на половинѣ 38-й тетради была раздѣлена на двѣ книги почти равнаго объема: въ одной оказывается 614 страницъ, въ другой—556 страницъ. Но по первоначальной нумераціи, —повторяемъ,—да и по самому содержанію книга есть одно цѣлое; правильно будетъ поему говорить про нее, какъ про одну древнюю посольскую книгу крымскихъ дѣлъ времени Иоанна III и Менгли-Гирея¹⁾.

Книга разныхъ почерковъ и чернилъ современнаго письма XV и XVI вѣковъ. Это—подлинный и по всей вѣроятности единственный экземпляръ книги. Выходитъ, что это есть та самая книга, которую отмѣчаетъ опись Царскаго Архива времени Иоанна Грознаго, какъ „старую“ крымскую книгу;

¹⁾ По архивному реестру Н. Н. Бантыша-Каменскаго раздѣленная книга значится теперь подъ двумя номерами. На одномъ переплетѣ отписуто: „Крымск. 1474—1499. Но. 1.“ На другомъ: „Крымск. 1499—1505. Но. 2.“ Въ началѣ книги № 2 помѣчено Бантышъ-Каменскимъ: „сія книга отдѣлена отъ перваго номера, и содержитъ въ себѣ съ 615 по 1170 стр.“

по сравненію съ новыми крымскими дѣлами за время Грознаго эта книга была дѣйствительно уже довольно старою. Царь Іоаннъ Васильевичъ интересовался ею, бралъ ее въ свои попок; одно время она считалась было утраченной послѣ дворцоваго пожара, но вскорѣ книга оказалась въ цѣлости, была отыскана Государемъ во дворцѣ, какъ гласитъ отмѣтка на полѣ архивной описи того времени¹⁾.

Текстъ книги писанъ безъ раздѣленія на главы или отдѣлы, но съ частымъ употребленіемъ красной строки и заглавныхъ буквъ; нерѣдко новыя дѣла ципутся съ новой страницы; постоянно также видны небольшіе пробѣлы межъ одной законченной статьей и другою съ новымъ содержаніемъ, такъ что для глазъ читателя ясно видна съ перваго разу раздѣльность содержанія книги. Нѣсколько страницъ (именно 212—214) остались бѣлыми, ненаписанными,—признакъ, кажется, того, что книга писалась нѣсколькими писцами одновременно.

Впередѣ книги приложено оглавленіе, сдѣланное Бантышъ-Каменскимъ: сначала перечислены отпуски въ Крымъ русскихъ пословъ, потомъ пріѣзды въ Москву крымскихъ пословъ и гонцовъ, слѣдовательно не въ хронологическомъ порядкѣ, который соотвѣтствовалъ бы содержанію книги, гдѣ попеременно изложены то отпуски, то пріѣзды. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ книги на поляхъ находятся позднѣйшія отмѣтки о томъ, какія грамоты или дѣла напечатаны въ исторіи князя М. М. Щербатова²⁾. Да еще противъ грамоты князя Таманскаго Захарія, предлагавшаго свою службу великому князю Іоанну Ш-му, и отвѣтной къ нему грамоты в. князя сдѣлана приказная отмѣтка на особомъ листочкѣ: „съ сего списка посольственнаго отправлена копія въ Высочій Кабинетъ, при доношеніи ассессора Семена Иванова декабря 13 дня 1739.“³⁾ Вотъ что мы замѣтили въ крымской книгѣ съ ея внешней стороны.

¹⁾ Авт. Археограф. Эксп. I, стр. 338. „Книги Менли-Гиреевы взяты ко Государю и сгнили, какъ постельныхъ хорошъ верхъ горѣлъ.“ Рядомъ другая отмѣтка говоритъ: „77 (года) ноября въ сказалъ Государь, что тѣ книги сискалъ у себя.“ (Дѣло идетъ о книгахъ Менгли-гиреевыхъ времени Іоанна Ш и Василія Ш).

²⁾ Ихъ дѣйствительно не мало напечатано въ „Исторіи Россійской“, том. IV, част. 3, а именно подъ №№ 45; 52; 55; 62; 70; 74. Тамъ же документы за время Василія Ш, подъ №№ 83; 88; 98; 100—101. Въ VI т. 2 части также есть крымскій документъ отъ конца XVI-го вѣка: № 5 (грамота Исламъ-Гирея къ царю Феодору Іоанновичу) и нѣкоторые другіе, гдѣ стѣрорной говорится о крымскихъ дѣлахъ.—Приложеніе крымскихъ дѣлъ къ „Исторіи“ вк. Щербатова относится къ числу достоинствъ этого труда, важнаго для своего времени.

³⁾ По печатному изданію книги крымской смотр. стр. 73: Сборн. И. Р. И. Общ. томъ 41.

Книга вся сполна издана печатно въ 41-мъ томѣ Сборника Импер. Русск. Историч. Общества, подъ редакціей Г. Θ. Карпова, подъ заглавіемъ: Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Крымскою и Нагайскою Ордами и съ Турціей. СІБ. 1884. Это заглавіе требуетъ теперь же нѣкотораго поясненія. Дѣла нагайскія за время Іоанна Ш и Василія Ш въ Архивѣ М. И. Д. составляютъ особую книгу,—первую въ этомъ родѣ дѣлъ; въ крымскую же печатную книгу они внесены въ соотвѣтственныхъ по времени мѣстахъ ученымъ издателемъ по тому, конечно, правильному соображенію, чтобы въ одной книгѣ собрать всѣ дѣла Іоаннова времени по сношеніямъ съ восточнымъ мусульманскимъ міромъ, тѣмъ болѣе, что и въ дѣйствительности дѣла нагайскія тѣсно соприкасались съ отношеніями крымскими и казанскими. Печатное изданіе, кромѣ предисловія и оглавленія дѣлъ (всего 101 № дѣлъ), снабжено еще двумя указателями: личныхъ именъ и географическихъ. Жаль, что нѣтъ предметнаго указателя къ книгѣ; впрочемъ и то надобно сказать, что было бы несправедливо отъ издателя памятника весьма значительнаго объема требовать еще составленія предметнаго указателя: это—особое дѣло, требующее большого времени и кропотливаго труда; указатель именъ предметныхъ, даже безъ объясненій и толкованій, въ чемъ какъ разъ ощущается нужда при составленіи его, есть трудъ весьма напряженнаго вниманія. Что касается указателей личныхъ именъ и географическихъ, то они достаточно полны и вообще исправны: мы замѣтили только немногіе пропуски и ошпбки.

Текстъ книги напечатанъ также большею частію исправно. Одну ошпбку, во многихъ мѣстахъ повторенную, снѣшимъ оговорить теперь же: она касается неправильнаго чтенія одного выраженія, нѣсколько разъ въ крымскихъ дѣлахъ встрѣчаемаго. Такъ, во-первыхъ, въ грамотѣ великаго князя Іоанна Ш къ Менгли-Гирею отъ 1480 года не вѣрно прочтены и напечатаны слова: „и на конѣ учиню;“ текстъ долженъ быть напечатанъ такъ: „а опроче сѣхъ словъ *инако не учиню*,“ т. е. не буду иначе поступать, какъ написано въ грамотѣ¹⁾. Въ грамотѣ того же Іоанна къ Довлетеку Ширинскому мурзѣ также печатная ошпбка: „а опроче сѣхъ словъ и на конѣ учиню;“ въ подлинной архивной книгѣ ясно написано, да и по смыслу должно быть: *инако не учиню*.“²⁾ Въ рѣчи Менгли-Гирея къ Іоанну текстъ не имѣлъ бы яснаго смысла, если бы его читать по печатному: „какъ моего брата своего

¹⁾ Сборн. И. Рус. Истор. Общ. 41, стр. 22, строка 14-я сверху. Въ подлинной архивной книгѣ, стран. 53, строк 11 сверху, написано: „инако не учиню.“

²⁾ Сборникъ, стр. 28, строк. 18 сверху; Архивная книга стран. 68, строкъ 4 и 5 сверху.

слова и на концѣ учинишь, съ сѣмъ съ моимъ паробкомъ съ Мерекою приплешь, твое жалованье вѣдаетъ;“ рѣчь получаетъ свой истинный смыслъ при чтеніи: „моего слова пнако не учинишь“¹⁾). Впрочемъ, въ другихъ мѣстахъ то же выраженіе прочтено и напечатано правильно: „другу другому, а не другу недругомъ стоимъ, то слово наше пнако не учинимъ.“²⁾

Вотъ еще нѣсколько печатныхъ ошибокъ, въ коихъ мы убѣдились, пзъ провѣрки печатнаго и рукописнаго текстовъ. На стран. 118 напечатано: „да вѣсти, государь, ко царю пришли: *Новоширинскіе* люди были подъ Ордою“. Въ подлинной архивной книгѣ написано: „да вѣсти государь ко царю пришли ново шпринскіе люди были подъ ордою“, на стран. 248, въ строкахъ 3 и 4 сверху. То есть, посолье кн. Ромодановскій въ донесеніи своему государю говоритъ, что пришли въ Крымъ къ царю вѣсти вновѣ, что Шпринскіе люди были подъ Ордой; слово „ново“ значитъ здѣсь „вновѣ, недавно“, и послѣ него должно быть поставлено въ печатномъ текстѣ двоеточіе; выраженіе же „Новошпринскіе люди“—неправильное, произвольное поппманіе; въ Крыму были всегда вліятельные почетные князья и мурзы Шпринскіе, но особыхъ „Новошпринскихъ“ людей исторія не знаетъ среди крымскихъ вельможъ.

На стран. 121 напечатано: „и Васплей говорилъ съ послы *Обреку*, да и ярлыкъ списывали“. Въ подлинной же книгѣ написано: „и Васплей говорилъ съ послы *шбреку* да и ярлыки списывали“, на стран. 254, въ строкахъ 5-й. Подчеркнутое слово должно, кажется, прочесть „объ рѣку“, т. е. черезъ рѣку, или по рѣкѣ. Дѣло въ томъ, что въ ноябрѣ 1491 года пріѣхавшіе въ Москву крымскіе послы не были приняты лично великимъ княземъ, и даже выѣхали пзъ столицы въ подмосковную деревню по той причинѣ, что среди крымскаго посольства оказалось „уовѣтріе“, т. е. опасная заразительная болѣзнь; пзъ боязни предъ этою болѣзнью крымцамъ велѣно было жить въ деревнѣ, гдѣ съ ними и велѣ переговоры князь Васпій Ноздреватій, нарочито для того назначенный. Онъ разговаривалъ съ крымскими послами не въ близости, лицомъ къ лицу, а на нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи, пзъ опасенія, конечно, той же заразительной болѣзни. Данный текстъ, кажется, нужно понять такъ, что онъ говорилъ съ ними „объ рѣку“, т. е. на берегу рѣки, на пзвѣстномъ отъ нихъ разстояніи, если не черезъ рѣку.

¹⁾ Сборн. стр. 106. То же ошибочное чтеніе и печатаніе на стран. 151: „и на колю учини“; (въ подлинникѣ „пнако не оучини“); на стран. 154 (дважды одна ошибка); стр. 168; стр. 273—та же неправильность чтенія.

²⁾ Тамъ же, стр. 150. Сравнишь то же выраженіе съ небольшою разницей: „язъ братъ твой Магмедъ-Аминцево царево слово пнаково не учинилъ“, на стран. 169; также и на стр. 449-й: „пннѣча язь царева слова пнаково не учиню“.

На стран. 473 напечатано: „п пыпча напередь *Морова* человекѣка по-славъ, тѣ свои послы возьми“. Изъ контекста рѣчи нѣтъ основанія предполагать, что здѣсь дѣло идетъ о человекѣ, по прозванію Морозъ; въ данномъ случаѣ „напередь *мороза*“ значитъ „напередь зимнихъ заморозковъ, или до зимы“.

На стран. 549 напечатано о крымскомъ послѣ: „а былъ у великаго князя декабря 30“. Въ подлинной архивной книгѣ стоитъ дата: „декабря А, т. е. 1 декабря“.

Въ указателѣ личныхъ именъ отмѣчены, какъ два простые татарина, *Багай* и *Сатика*, упоминаемые въ текстѣ на стр. 194. Вчитываясь въ письмо Нуръ-салтанъ царицы крымской, гдѣ названы эти два лица, мы убѣдились, что это суть уменьшительныя, ласковыя въ устахъ царицы-матери названія двухъ ея сыновей: Магметъ-Амни и Абдыль-Легифа.

Опускаемъ еще немногія замѣченныя нами опечатки, которыя ясны будутъ внимательному читателю безъ оговорокъ: полезнѣе исправить приведенныя неправильныя чтенія; можетъ быть, ученые читатели древней крымской книги посольской во-время обратятъ на нихъ и на наши поправки свое вниманіе. Мы сдѣлали эти поправки еще изъ уваженія къ труду издателей, дабы себѣ и другимъ читателямъ убѣдиться, какъ вообще мало ошибокъ въ такомъ большомъ печатномъ памятникѣ, изданномъ—повторяемъ—весьма тщательно.

Обращаемся къ разбору книги.

II. Предварительныя общія замѣчанія о происхожденіи крымской посольской книги, ея составѣ и содержаніи.

Какъ давно, и въ какомъ количествѣ составлялись первыя посольскія книги Московскаго государства, объ этомъ позволяютъ судить данныя, находящіяся въ описи Царскаго Архива второй половины XVI-го вѣка. Хотя эта опись не имѣетъ вида строго отчетливой правительственной редакціи, и кажется больше черпковою на-скоро сдѣланной описью; однако она несомнѣнно оффиціальнаго происхожденія, и при всей своей краткости есть документъ богатый по содержанію. По этой описи древнѣйшія посольскія книги относятся ко времени Іоанна III Васильевича. Исчислимъ ихъ по описи и въ порядкѣ ея исчисленія.

„Ящикъ 19. А въ немъ книги посольства Цесарей Максимъяна и Фердинандъ (sic), да короля Чешскаго къ Вел. Кн. Ивану и къ Вел. Кн. Василью, и отвѣтъ Вел. Княз. къ Цесаремъ“.

„Ящикъ 21. А въ немъ книги Литовскіе старые, посольства и грамоты, и отвѣты Казимера Короля и Александра Короля къ Великому Князю Ивану, и отъ Вел. Кн. къ нимъ; да книги старые жъ при Казимерѣ жъ Королѣ; да книги тетрадка старая жъ“ и проч.¹⁾

„Ящикъ 23. А въ немъ книги Нагайскіе старые и новыя всѣ“²⁾.

„Ящикъ 23-й же. А въ немъ книги Астараханскіе и Ордынскіе, да книги Тюменскіе, да тетради Гирѣскіе (sic) и Иверскіе“³⁾.

„Ящикъ 24. А въ немъ книги посольства Волошскіе“.

„Ящикъ 25. А въ немъ книги Казанскіе и списки при Магмедъаминѣ царѣ, прислалъ о братѣ своемъ о Абделетпфѣ царѣ, и книги какъ былъ въ Казани Шигалѣй царь, да другіе книги при Магмедъаминѣ царѣ лѣта 7015“⁴⁾.

Ящикъ 29. А въ немъ книги, старые и новыя, посольства и грамоты отъ Манстра Ливонскаго и семьдесяти трехъ городовъ къ Вел. Князю Ивану и къ В. К. Васплью“.

Ящикъ 36. А въ немъ книги, старые и новыя, при Мензигирѣ царѣ и при Магмедъгарѣ царѣ съ Вел. Кн. Иваномъ и съ Вел. Кн. Васильемъ“.

(Здѣсь в наша книга съ особою припиской о ней, что она была у Государя въ покояхъ).

„Ящикъ 38. А въ немъ книги и списки Казатцкіе при Касимѣ царѣ и Тюменскіе при Иванѣ царѣ“⁵⁾.

¹⁾ Акт. Арх. Эксп. I, 336. Сравн. тамъ же про ящикъ № 18: „а въ немъ книги Королей Литовскихъ, писаны докончальныя грамоты, и въ тѣхъ же книгахъ грамота Казимера Короля Юлѣ митрополиту“. Эта книга составляла, повидному, сборникъ собственно договорныхъ и иныхъ грамотъ, а не посольскихъ дѣлъ вообще.

²⁾ Первая посольская книга нагайскихъ дѣлъ начинается 1489 годомъ. Дѣла нагайскія за время Іоанна III вошли въ древнюю Крымскую печатную книгу, какъ было выше сказано.

³⁾ Не видать, впрочемъ, за какое время эти книги; можетъ быть отчасти за Іоанново, судя по упоминанію ордынскихъ книгъ. Сравн. про ящикъ № 50.

⁴⁾ Въ дѣлахъ Нагайскихъ времени Іоанна III также упоминаются особня „казанскія тетради“ посольскихъ дѣлъ: Сборн. И. Рус. Истор. Общ. т. 41, стр. 376. О дѣлахъ казанскихъ за первую половину XVI вѣка: очень много упоминаній въ архивной описи: смотр. отвѣтки про ящики №№ 32; 135; 139; 150; 164; 200. Про Казанскія дѣла и особую въ царствованіе Грознаго Казанскую Избу, т. е. Приказъ съ особымъ, повидному, архивомъ, упоминается при описаніи ящика № 153. Не указываемъ здѣсь на грамоты, до Казани относящіяся, упоминаемыя въ описи; прибавимъ только о книгахъ посольскихъ, что ни одна изъ нихъ не сохранилась до настоящаго времени.

⁵⁾ Послѣднее имя написано или напечатано очевидно не точно. Дѣло

„Ящикъ 48. А въ немъ книги Шамохѣйскіе, писаны грамоты и посольства Шамохѣйскихъ князей съ Вел. Княземъ Иваномъ и съ В. К. Васпльемъ“.

„Ящикъ 49. А въ немъ книги и списки, посольства и грамоты папы Римскаго Климента съ В. К. Васпльемъ; да книги старыя Римскіе, и Венецѣйскіе и Фрянскіе, грамоты и посольства, и записи въ нихъ писаны съ Вел. Кн. Иваномъ... Да книги, писаны посольства въ Римъ отъ Вел. Кн. Ивана къ папѣ Римскому Александру; да рѣчи и грамоты къ Александру Королю Литовскому и Олбрехту королю Польскому, и къ Венецѣйскому Князю, и къ Медіаламскому Князю; да три грамоты тамошніе Нѣмецкымъ писмомъ“²⁾.

„Ящикъ 51. А въ немъ списки Свѣйскіе, старыя и новыя, съ Вел. Кн. Иваномъ и съ Вел. Кн. Васпльемъ, и списки и посольства Свѣйскіе“.

„Ящикъ 62. А въ немъ книги Датскіе старыя, при В. Кн. Иванѣ съ Датскимъ Королемъ Иваномъ“ и проч. (Весь ящикъ съ датскими дѣлами за послѣдующее время послѣ Іоанна III. Сравн. про грамоты датскія въ № 10).

„Ящикъ дубовъ 135. А въ немъ книги Литовскіе, книги другіе Литовскіе о сватовствѣ Княгини Волошскіе, книги Крымскіе, книги Астараханскіе,

здѣсь идетъ, по всей вѣроятности, о царѣ *Ивакѣ*, иначе Бренмѣ, современникѣ Іоанна III, съ которымъ царь Ивакъ былъ дѣйствительно въ посольскихъ сношеніяхъ: Сборн. Рус. Истор. Общ. т. 41, стр. 80—87; 198—199, отдѣлъ изъ нагайской книги. Онъ былъ братомъ царя казанскаго Алегамы, взятаго въ плѣнъ и въ заключеніе Іоанномъ III-мъ, хлопоталъ вмѣстѣ съ своимъ шурьямъ мурзою Мусой и мурзой Ямгурчеемъ объ озвожденіи его. Онъ же, враждуя съ ханомъ Золотой Орды Ахматомъ, настигъ его въ степи, послѣ извѣстнаго стоянья его на р. Угрѣ въ 1480 году, и убилъ. Среди нагайцевъ онъ пользовался старшинствомъ, носилъ титулъ царя и кочевалъ на Тюмени, иначе въ Шибанскихъ улусахъ, какъ видно изъ крымскихъ дѣлъ и нагайскихъ, а также изъ лѣтописей русскихъ: Сбор. Р. И. О. т. 41, стр. 94 и друг. Смотр. указатель подъ словомъ „Ивакъ-Бренмѣ“. Сравн. Карамзина, И. Г. Р. VI, примѣч. 240—243 и указатель Строева подъ словомъ „Ивакъ-Ибрагимъ“ и проч.—О царѣ Касимѣ ничего положительнаго не можемъ сказать: можетъ быть какойнибудь ханъ Киргизъ-Кайсацкой орды? или одинъ изъ нагайскихъ же владѣтелей?

²⁾ О сношеніяхъ Московскаго государства съ кавказскими владѣтелями во второй половинѣ XV-го вѣка весьма интересныя данныя и соображенія находятся въ изданіи С. А. Бѣлокурова: Сношенія Россіи съ Кавказомъ, Моск. 1889, на страниц. Предисловія XI—XXIX. Сравн. въ описи Царск. Архива объ ящикѣ № 23^с. О сношеніяхъ съ Италіей нѣсколько новыхъ данныхъ есть въ книгѣ П. Пирлинга: Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ, СПб. 1892. Тамъ напечатана вѣрующая грамота Іоанна III посланъ Дмитрію Лареву и Митрофану Карачарову, направленная къ папѣ Александру VI-му: стран. 135. Грамота найдена авторомъ въ Венеціи. Книга отца Пирлинга очень интересна фактическими новыми данными, но меньше интересна общими сужденіями.

книги Нагайскіе, книги Казанскіе, книги Царегородскіе¹⁾).

Не станемъ исчислять здѣсь многихъ подлинныхъ *грамотъ* и черновыхъ приказныхъ *списковъ* посольскихъ дѣлъ, въ описи названныхъ; если сопоставить ихъ рядомъ съ посольскими *книгами*, то окажется весьма значительное количество посольскихъ документовъ, собравшихся въ великокняжеской и царской казні за первый же вѣкъ бытія Посольскаго Приказа. Изъ приведенныхъ данныхъ архивной описи на счетъ собственно посольскихъ книгъ вытекаютъ слѣдующіе выводы

1. Ко времени княженія Іоанна III, широко развившаго посольскія сношенія Москвы съ европейскими и азіатскими владѣтелями, относится значительное число посольскихъ книгъ; судя по названію нѣкоторыхъ изъ нихъ „старымъ“, надобно полагать, что онѣ были составлены либо во второй половинѣ XV вѣка, либо въ началѣ XVI вѣка, т. е. современно княженію Іоанна III и его преемника, и что онѣ составлялись въ Приказѣ по мѣрѣ накопленія отдѣльныхъ списковъ, грамотъ и всякихъ вообще посольскихъ документовъ.

2. Изъ сравненія данныхъ описи съ наличностью посольскихъ книгъ въ нынѣшнемъ Главномъ Архивѣ въ Москвѣ оказывается, что большая часть книгъ Іоаннова времени не сохранилась до нашего времени. Такъ именно не сохранились посольскія книги по дѣламъ лфляндскимъ и ганзейскимъ, по дѣламъ шведскимъ, датскимъ, волошскимъ и итальянскимъ; не дошли казанскія посольскія книги, ни книги ординскія и астраханскія; нѣтъ книгъ по сношеніямъ съ кавказскими и другими азіатскими владѣтелями.

Уцѣлѣли до настоящаго времени: цезарская посольская книга²⁾, польско-литовская³⁾, крымская и нагайская книги.

Самая ранняя изъ этихъ различныхъ книгъ посольскихъ есть крымская;

¹⁾ Не видать точно, какого времени эти книги; судя по указанію на сватовство княгини волошской, т. е. Елены Стефановны, невѣсты Іоанна III, надо полагать, что въ числѣ книгъ этого ящика были и за время Іоанново.

²⁾ Она и напечатана: Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными, издан. П-мъ Отдѣленіемъ Собственной Е. Имп. Вел. канцеляріи. СПб. 1851. Томъ I (Памятники дипл. снош. съ Имперіею Римскою, съ 1488 по 1594 годъ). Слѣдовательно нѣсколько посольскихъ книгъ въ одномъ томѣ.

³⁾ Также напечатана подъ тѣмъ же общимъ заглавіемъ въ Сборн. И. Рус. Истор. Общ. въ томѣ 35-мъ, подъ редакц. Г. О. Карнова. С.П.Б. 1882. Дѣла посольскія въ этой печатной книгѣ начинаются съ 1487 года, а продолжаются до 1533 года; онѣ напечатаны по первымъ тремъ архивнымъ книгамъ польско-литовскихъ дѣлъ, да еще по другимъ дополнительнымъ матеріаламъ: смотр. интересныя редакторскія примѣчанія въ предисловіи и подъ текстомъ въ разныхъ мѣстахъ.—2-е изданіе 35-го тома „Сборника“ сдѣлано Обществомъ въ 1892 году.

по содержанию своему она относится всего больше къ XV-му вѣку. Она и самая полная, цѣльная книга.

Мы назвали ее лѣтописью посольскихъ сношеній. Въ самомъ дѣлѣ: насколько она и посольскія книги вообще имѣютъ сходства со старинной русской лѣтописью? Каковъ общій характеръ или типъ посольскихъ книгъ?

Книга представляетъ изложеніе посольскихъ дѣлъ въ хронологическомъ порядкѣ, попеременно то отпуски русскихъ пословъ и гонцовъ въ Крымъ, то пріѣзды въ Москву татарскихъ пословъ и гонцовъ. Изложеніе дѣла обыкновенно начинается отмѣткой въ лѣтописномъ родѣ, напримѣръ: «лѣта 82 (т. е. 6982—1474), марта, Микитино Беклемишева посольство ко царю къ Менли-Гирею, Кади-Гирееву сыну». Или такъ: «лѣта 83, Алексѣево Старкова къ Менли-Гирею царю; поѣхалъ марта 23». Или еще такъ: «лѣта 88 отпущень съ Москвы князь Иванъ Звенець мѣсеца апрѣля 16». Такія же лѣтописныя отмѣтки есть о пріѣздахъ пословъ крымскихъ, иногда о возвращеніи русскихъ пословъ, о днѣ приѣма крымцевъ великимъ княземъ, а также отпуски ихъ изъ Москвы и проч. Замѣтно вообще, что составители книги не пропустили хронологическихъ датъ, вносили ихъ каждый разъ въ книгу, если находили въ документахъ даты. Вотъ эти-то хронологическія отмѣтки, да и весь способъ изложенія дѣлъ въ порядкѣ хронологическомъ и придаютъ книгѣ видъ нѣкотораго рода лѣтописи. На самомъ дѣлѣ однако посольская книга глубоко различается отъ древней русской лѣтописи: это есть совершенно новый родъ источниковъ, типичное приказное произведеніе, строго дѣловой приказная книга, не то, что старая лѣтопись. Какъ извѣстно, старая русская лѣтопись дѣлъ церковныхъ и земскихъ содержатъ подборъ самыхъ разнообразныхъ извѣстій, смотря по вкусу составителя лѣтописнаго сборника, о событіяхъ церковно-историческихъ, о междунарожескихъ отношеніяхъ, о дѣлахъ житейскихъ, о приключеніяхъ физическихъ,—обо всемъ, что казалось достопамятнымъ для составителя лѣтописи монастырской, городской, государственной: всё это излагалось въ самомъ простомъ, безыскусственномъ порядкѣ, болѣе или менѣе кратко, съ большимъ или меньшимъ количествомъ личныхъ размышленій лѣтописца, съ приведеніемъ словъ изъ Св. Писанія и иныхъ назидательныхъ книгъ, съ выборками изъ другихъ историческихъ источниковъ, съ сокращеніями или переработками, съ прибавками новыхъ извѣстій и т. п. Конечно, и старая лѣтопись не лишена характера дѣловаго и официальнаго памятника: лѣтопись вели для того, чтобы въ случаяхъ надобности справиться съ нею, доказывать чрезъ нее, что нужно; но вообще лѣтопись есть памятникъ не официальный, дѣло больше частнаго почива, личный субъективный трудъ по подбору и изложенію извѣстій. Иное дѣло—посольская книга. Она—памятникъ строго официальный и дѣловой; приказный дѣлъ

вносилъ въ книгу только то, что ему указано, и что дано въ документахъ, дѣлалъ сжатое и вмѣстѣ полное изложеніе посольскихъ дѣлъ и рѣчей.

Именно—*дѣла* и *рѣчи*, и притомъ послѣднихъ гораздо въ большей степени, чѣмъ дѣла, т. е. фактовъ; рѣчи преобладаютъ въ посольской книгѣ надъ фактическими извѣстіями. Множество страницъ подъ рядъ—все рѣчи, да рѣчи: наказы и памяти посламъ, что и какъ говорить, что отвѣчать; донесенія пословъ о томъ, что они говорили и что имъ отвѣчали въ Крыму. Приѣзжаютъ въ Москву крымскіе послы, въ приказѣ опять записываются ихъ рѣчи, переводятся татарскія письма; далѣе идутъ дополнителныя памяти изъ приказа посламъ, донесенія ихъ съ дороги или съ мѣста службы,—опять все рѣчи, устные и письменныя.

Съ перваго разу можетъ показаться не столь значительнымъ, не столь *историческимъ* содержаніе посольской книги: все рѣчи, да рѣчи! Но такъ кажется только съ перваго разу; на самомъ же дѣлѣ въ нихъ много настоящаго дѣла, много подлинныхъ историческихъ фактовъ. Въ этихъ рѣчахъ—вѣды, желанія, идеи правительствующихъ людей: все это суть своего рода факты, и притомъ высоко интересныя. Но сверхъ рѣчей въ посольской книгѣ много точныхъ историческихъ отмѣтокъ о томъ, кто, когда и куда былъ посланъ, съ какой цѣлю, въ чемъ успѣлъ или не успѣлъ, и по какой причинѣ. Наконецъ въ посольской книгѣ многочисленныя свѣдѣнія, прямо или попутно сообщаемыя послами, о разныхъ явленіяхъ современной жизни дома и за границей; политическія вѣсти, собранныя въ Крыму, на этомъ обширномъ восточномъ базарѣ; увѣдомленія о приключеніяхъ въ дорогѣ и жизни въ Крыму, свѣдѣнія о путяхъ и способахъ сообщенія, о торговлѣ и купцахъ, о нравахъ и обычаяхъ и т. п. Такимъ образомъ въ посольской книгѣ много дѣловаго, собственно историческаго содержанія; рѣчи не разъ становились событіями, да и самыя рѣчи—повторяемъ—суть факты своего важнаго значенія. Отсюда естественный методъ изслѣдованія посольскихъ книгъ: сопоставлять рѣчи и дѣла, а также рѣчи одна съ другою; изъ такого сопоставленія сама собою будутъ вытекать факты, или по крайней мѣрѣ ясныѣ станетъ, что простыя рѣчи, и что настоящее событіе, дѣло.

Таковъ общій характеръ и общее содержаніе того рода источниковъ, который называется посольская книга. По составу посольская книга есть сборникъ отдѣльныхъ посольскихъ дѣлъ, изложенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ болѣе или менѣе сокращенно, а чаще въ полномъ видѣ, дословно, иностранныхъ же документовъ—въ русскомъ переводѣ. Дѣло редактора—составителя заключалось въ томъ, чтобы собрать въ одно мѣсто посольскіе документы, расположить ихъ въ надлежащемъ повременномъ порядкѣ, да можетъ быть изложить лучше, т. е. короче и опредѣлительнѣе, нѣкоторыя изъ доку-

ментовъ, прибавить начальныя и заключительныя помѣтки о томъ, когда и кому было поручено посольство, или когда посолье возвратился домой, да иногда сдѣлать еще некоторыя помѣтки редакторскаго свойства.

Укажемъ въ крымской книгѣ помѣтки этого послѣдняго рода.

Въ посольское дѣло Ивана Андреевича Лобана Колычева («поѣхалъ съ Москвы на третей недѣлѣ великаго говѣнія, во вторникъ, 20 марта лѣта 100», т. е. 7000-го=1492) вставлены двѣ грамоты вел. кн. Иоанна къ царевичу Уздемирю, брату Менгли-Гирея, и къ царевичу Довлешу, племяннику царя, съ приглашеніемъ этихъ царевичей на службу въ Москву; на концѣ обѣихъ грамотъ было написано, что онѣ посылаются съ Ази Махметомъ, человекомъ Довлеша царевича. Въ то же время посланы къ тѣмъ же царевичамъ другія двѣ грамоты на тотъ случай, если бы грамоты были доставлены не Ази Махметомъ, а кѣмъ-нибудь другимъ. Редакторъ книги, приведя первыя грамоты, добавляетъ: «а съ Лобаномъ послалъ князь великии ко царевичемъ другіе свои грамоты, таковы же слово въ слово, только въ нихъ не написано то: «сю свою грамоту послалъ есмь съ твоимъ человекомъ съ Ази Махметемъ»; а въ другой не написано тожь: «сю свою грамоту послалъ есмь съ Довлешевымъ человекомъ съ Ази Махметемъ». Кончаны тѣмъ: «сю свою грамоту съ своею печатью послали есмь къ тебѣ»¹⁾). То есть редакторъ сокращаетъ дѣло, отмѣчая небольшую разницу грамотъ.

На стран. 257, въ заключеніе крымскаго прѣзда князей Казимера да Хозяша, прибавлено: „а которые грамоты отъ Менли Гирея къ великому князю, и тѣ писаны опослѣ сего посольства съ Казимиромъ и съ Хозяшемъ“²⁾). Редакторъ нѣсколько измѣняетъ обычный порядокъ изложенія, и дѣлаетъ въ этомъ смыслѣ оговорку.

Въ 1500 г. августа 11 въ Крымъ былъ посланъ Иванъ Григорьевъ Мамоновъ. Но вслѣдъ за его отъездомъ были получены въ Москвѣ извѣстія, что на полѣ появилось много враждебныхъ татаръ: поэтому послу Мамонову отправлено вслѣдъ приказаніе помедлить поѣздкой, пожить нѣкоторое время въ Калугѣ; при этомъ же случаѣ Мамонову былъ врученъ „пиошъ спсоекъ“, т. е. переиѣнены посольскія инструкціи; но такъ какъ посолье Мамоновъ прожилъ въ Калугѣ до октября, а изъ Крыма за это время получены новыя извѣстія, то потребовалось еще разъ нѣсколько измѣнить посольскія инструкціи Мамонову, а прежнія взять у него обратно въ Посольскій приказъ.

¹⁾ Сборн. Рус. Истор. Общ. 41, стр. 146. Сравн. стран. 137—138 въ объясненіе, почему двойныя грамоты.

²⁾ Сноски стр. 263, гдѣ дѣйствительно приводятся подлинныя грамоты царя, съ этими послами присланныя.

Изложа все дѣло и перемѣны въ посольскихъ инструкціяхъ послу, редакторъ въ заключеніе прибавляетъ, чтобы сократить изложеніе: „а досталь тѣхъ памятей все писано по тому слово въ слово, каковы везъ Олексѣйко подьячей къ Ивану къ Мамопову“¹⁾.

Въ 1502 г., въ апрѣлѣ, въ Кафу былъ отправленъ посломъ Александръ Голохвастовъ (Олена Яковлевъ сынъ); между прочими документами ему были даны „памяти гибельныя“, т. е. списокъ обиженныхъ въ Кафѣ русскихъ купцовъ и попесенныхъ ими потерь товарами и разными вещами. Посоль имѣлъ требовать удовлетворенія обидъ, возмѣщенія потерь. Вслѣдъ за этими „памятями“ въ крымской книгѣ добавлено: „а о которыхъ жалобахъ списки посланы съ Андреемъ съ Кутузовымъ, и таковы жъ списки тѣхъ жалобъ посланы съ Олешю съ Голохвастовымъ, да и память о Дмитрѣе о Ларевѣ; а писаны тѣ списки и память изъ тетратей и изъ Андреева посольства“²⁾. То есть составитель уже не повторяетъ документовъ, а только ссылается на эти документы, прежде изложенные въ книгѣ.

На стр. 422, послѣ изложенія крымскаго пріѣзда посла Арваны, сказано въ заключеніе: „а дѣти Менли Гирееви царевы Махметъ Кпрей, да Ахматъ Кпрей, да Махметъ, и братъ царевъ Емгурчей писали ярлыки о запросѣхъ, и тѣ ярлыки въ книгѣ не писаны, а отданы тѣ ярлыки всѣ Аблязъ бакшею вмѣстѣ со царевымъ ярлыкомъ“³⁾. Потому ли, что переводчикъ Аблязъ бакшей не успѣлъ ихъ перевести по-русски, или потому, что не желали исполнить требованія царевыхъ дѣтей на счетъ запросныхъ помпнковъ, редакторъ не вставилъ ихъ въ посольскую книгу, въ чемъ и оговаривается.

Въ іюлѣ 1502 г. въ Крымъ были отправлены гонцами служилые татары великаго князя Кадышъ съ товарищами, повезли разные грамоты: къ послу Заболотскому, къ царю Менгли Гирею, къ воеводѣ волошскому Стефану, свату Іоанна, къ посламъ, возвращавшимся изъ Италіи, Лареву и Карачарову. Въ концѣ посольства составителемъ прибавлено: „да посланы съ Кадышомъ же съ Абашовымъ въ Волохи Стефану воеводѣ грамота, да посломъ Дмитрею и Митрофану двѣ грамоты; и тѣ грамоты велѣно отослати въ Волохи къ Стефану воеводѣ и къ посломъ Менли Гирею царю съ своимъ человекомъ. А писаны тѣ грамоты въ волошскихъ татратехъ“⁴⁾. Редакторъ книги отсылаетъ

¹⁾ Тамъ же, 339. Сравни. дѣла подъ №№ 65, 67 и 69.

²⁾ Тамъ же стр. 411. „Списки жалобныя“, отправленные въ 1500 г. съ Андреемъ Семеновичемъ Кутузовымъ, смотри выше въ дѣлѣ № 63. Памяти о Дмитрѣе Ларевѣ на стр. 296 и 388.

³⁾ Тамъ же, 422.

⁴⁾ Тамъ же стр. 429. Сравни. на стр. 480: „да царевъ Менгли Гиреевъ человекъ Бузумъ Афызъ привезъ отъ Дмитрея отъ Ларева, да отъ Митро-

туда приказныхъ читателей на случай справокъ. Въ другомъ мѣстѣ книгъ редакторъ ссылается на „литовскій ящикъ“ съ документами, куда сложенъ одна грамота великаго князя литовскаго Александра Казимировича, присланная имъ къ крымскому царю, а отъ того пересланная Юванну, по представлению нашего посла Алексѣя Заболотскаго. Грамота литовскаго государя вставлена и въ крымскую книгу, по прикосновенности ея къ дѣлу. Не видать ясно, про эту ли грамоту, или про другую грамоту говорится въ примѣткѣ составителя книги: „а что прислалъ грамоту Алексѣй Заболотской, и та грамота въ сей тетради не писана“¹⁾.

Еще одна редакторская замѣтка указываетъ какъ будто на особые столы въ Посольскомъ Приказѣ; именно въ книгѣ ногайскихъ дѣлъ, въ заключеніе отпуска посла ногайскаго князя Ямгурчя, сказано: „а отпускъ Семеновъ у Дмитрія у Володимерова о проводу и о корму“, т. е. у самого начальника Приказа; грамоты о проводѣ и о кормѣ ногайскому послу только упоминаются, но не приводятся въ книгѣ; однако указано, гдѣ ихъ искать²⁾.

Не приводя другихъ подобныхъ замѣтокъ составителя древней посольской книги крымскихъ дѣлъ, скажемъ въ заключеніе, что редакторъ-составитель весьма точно и аккуратно вносилъ въ книгу всѣ подлинныя документы, какіе были даны ему для составленія сборника. Это видно какъ изъ приведенныхъ образцовъ его редакторскихъ замѣтокъ и приемовъ, такъ и вообще изъ всего изложенія дѣлъ въ книгѣ, аккуратнаго, строгаго дѣловаго.

3. Изъ какихъ именно документовъ составлена посольская крымская книга.

Книга, выражаясь о ней словами стараго описателя Н. Н. Бантышъ-

фана къ великому князю грамоту, и та грамота писана въ волошскіе книги“. Итакъ были, но не дошли до насъ посольскія волошскія книги за время Іоанна III и его свата, Стефана Великаго. Сравн. о грамотахъ и спискахъ волошскихъ въ описи Царскаго Архива въ ящикахъ подъ №№ 9 и 53, а о спискахъ посольскихъ въ № 24: онѣ, вѣроятно, Іоаннова времени, судя по даннымъ крымской книги.

¹⁾ Тамъ же стр. 448—449. О той же, кажется, грамотѣ на стр. 519 и 524, въ отвѣтѣ в. князя послу Заболотскому: „а которые дѣла писалъ еси ко мнѣ въ своей грамотѣ, и ты бы тѣхъ дѣлъ не звалъ никому“, т. е. хранилъ бы въ полномъ секретѣ. Какъ видно, до времени составленія крымской книги литовская грамота была отложена особо, не была вовсе внесена въ тетрадь крымскихъ дѣлъ. Кстати замѣтимъ: книгѣ предшествовали, должно быть, тетради, и она составила изъ этихъ тетрадей отдѣльныхъ посольствъ.

²⁾ Тамъ же, 538, въ концѣ дѣла Укажемъ еще образцы замѣтокъ редакторскихъ на стр. 324, 329, 335 (въ началѣ дѣла), на стр. 443, въ концѣ дѣла, на стр. 525 и проч.

Каменскаго, содержитъ въ себѣ «отпуски и прїѣзды». Дѣйствительно вся она занята изложеніемъ отпусковъ нашихъ пословъ и гонцовъ въ Крымъ, да прїѣздовъ оттуда татарскихъ пословъ въ Москву, и притомъ такимъ образомъ, что за первыя 17-ть лѣтъ сношеній, отъ 1474—1490 вѣлчительно, въ ней находятся пока одни только отпуски въ Крымъ: хотя въ нихъ постоянно говорится и о крымскихъ послахъ, прїѣзжавшихъ въ Россію, и объ ярлыкахъ, ими привозимыхъ, но въ самой книгѣ нѣтъ подробнаго изложенія рѣчей крымскихъ пословъ, ни переводныхъ ярлыковъ. Начиная же съ апрѣля 1491 года излагаются попеременно то крымскіе «прїѣзды», то «отпуски» нашихъ пословъ, тѣ и другіе съ одинаковою подробностью, сплошь по документамъ, вслѣдствіе чего и объемъ посольской книги сразу значительно возрастаетъ: тогда какъ первыя 17-ть лѣтъ сношеній съ Крымомъ изложены въ книгѣ меньше чѣмъ на ста страницахъ (по печатному тексту), остальные 15-ть лѣтъ, съ 1491—1505 г., занимаютъ уже слѣшкомъ четыреста печатныхъ страницъ текста, со включеніемъ, впрочемъ, сюда же дѣлъ турецкихъ, а также ногайскихъ дѣлъ, внесенныхъ въ печатную крымскую книгу по плану редактора—издателя ея, какъ выше было сказано.

Почему такъ случилось, что планъ изложенія не вполне выдержанъ въ книгѣ, т. е. почему не внесено въ нее ни рѣчей крымскихъ пословъ, ни переводныхъ ярлыковъ за первые годы сношеній съ Крымомъ, на этотъ вопросъ мы не можемъ отвѣчать съ опредѣленностью. Можетъ быть, первоначально въ Посольскомъ приказѣ не имѣли намѣренія вносить въ книгу переводные татарскіе документы, очень многочисленныя, очень не легкіе для перевода и для чтенія, а думали ограничиться самымъ краткимъ изложеніемъ ихъ въ книгѣ; впоследствии же времени посольскія рѣчи крымскія и ярлыки, какъ видно, показались болѣе важными и нужными для записыванія въ книгу въ подробномъ, даже дословномъ видѣ, на случай справокъ при дальнѣйшихъ сношеніяхъ съ Крымомъ, которыя всё больше развивались, становились всё важнѣе для Московскаго государства. Кстатк здѣсь же слѣдуетъ отмѣтить тотъ положительный фактъ, что съ 1489-го года въ Посольскомъ приказѣ появляется особый переводчикъ, Аблязь-бабшей, который съ тѣхъ поръ ишетъ въ Крымъ отъ великаго князя грамоты «татарскимъ шесмомъ», и переводитъ по-русски татарскіе ярлыки. Очень возможно, что искусствомъ этого переводчика въ приказѣ воспользовались для того, чтобы вести посольскую крымскую книгу съ большею противъ прежняго полнотой; во всякомъ случаѣ поступленіе на службу названнаго татарскаго переводчика и болѣе подробное изложеніе дѣлъ въ книгѣ по времени очень близко подходятъ, почти совпадаютъ; мы полагаемъ, что эти явленія находятся до нѣкоторой степени и въ

причинной связи между собой¹⁾.

Въ указанномъ обстоятельствѣ, т. е. неравномѣрности изложенія книги, позволительно также видѣти новое доказательство того, что крымская книга очень близка по времени составленія къ самымъ событіямъ, почти современна имъ, и что она имѣла одну только редакцію. Будь вторичная редакція, она навѣрное получила бы болѣе ровное изложеніе; но она осталась въ томъ самомъ видѣ, какъ однажды сдѣлалась.

«Отпуски и пріѣзды»—это суть общія категоріи или заглавія дѣлъ; самп они, въ свою очередь, состоятъ изъ разныхъ документовъ, прежде особо существовавшихъ. Разсмотримъ прежде отпуски.

Первое мѣсто въ отпускахъ занимаютъ *посольства*, т. е. указы или порученія посламъ, идущимъ въ Крымъ. Рядомъ съ ними стоятъ *памяти*, т. е. особыя инструкціи, вручаемыя посламъ при самомъ отправленіи ихъ изъ столицы, или дополнительныя инструкціи имъ, посылаемыя чрезъ парочптыхъ гонцовъ то вслѣдъ отъѣхавшимъ посламъ, то спустя нѣкоторое время, уже въ самый Крымъ: изъ этихъ «посольствъ и памятей» состоятъ главнымъ образомъ отпуски. Изрѣдка въ отпуски же входятъ *списки поминковъ*, въ Крымъ посылаемыхъ; чаще однако эти списки только упоминаются въ книгѣ, но не приводятся въ полномъ видѣ²⁾. Иногда въ отпуски вносятся записи по дѣламъ торговымъ, каковы суть *жалобныя списки и гибельныя памяти*, то есть списки обидамъ и грабежамъ, кои потерпѣли русскіе гости въ Крыму и въ Турціи, или какова есть сказка московскихъ гостей о размѣрахъ тамги, взимаемой съ нихъ въ городахъ Востока³⁾. Въ отпускахъ же находятся такіе документы, какъ *списки полоняниковъ татарскихъ*, освобожденныхъ великимъ княземъ, или *списки проводниковъ*, служившихъ татаръ русскыхъ, ѣздившихъ въ Крымъ съ послами для оберегачія ихъ въ пути, да и для того также, чтобы служить посламъ въ случаѣ надобности обратными гонцамъ изъ Крыма⁴⁾. Но гораздо больше въ отпуски включено разнообразныхъ *грамотъ*: онѣ могутъ быть сведены къ слѣдующимъ разрядамъ.

¹⁾ Сборн. И. Р. И. Общ. 41, стр. 75; сравн. указатель подъ словомъ «Аблезъ (Облязъ) Бақшей». Въ другомъ мѣстѣ надѣмся сказать подробнѣе объ этомъ полезномъ дѣятелѣ въ приказѣ.

²⁾ Тамъ же стран. 54; 56—57; 214; 352; 365; 372; 485.

³⁾ Тамъ же стран. 229—230; 235—236. Сравн. про обиды и грабежи русскихъ гостей въ началѣ книги стран. 8; 12; 16 и друг. О размѣрахъ тамги, платимой русскими гостями въ Крыму и Турціи, интересный документъ на стр. 312—313; о насиліяхъ кушцамъ русскимъ въ Турціи стр. 161—163; 296; 405 и проч.

⁴⁾ Стран. 58; 70; 310—311.

а) „Списки грамотъ“, т. е. проекты шерстных грамотъ, иначе называемыхъ „докончальныхъ ярлыковъ“, копъ желательно было получить отъ крымскаго царя и его приближенныхъ, слово въ слово по списку, приготовленному въ Посольскомъ приказѣ¹⁾.

б) Грамоты отъ великаго князя Иоанна Васильевича приглашительныя къ разнымъ лицамъ то съ предложеніемъ пмъ покровительства, то службы въ Московскомъ государствѣ, то съ просьбами о нужныхъ для великаго князя услугахъ. Таковы суть: грамота самому царю Менгли Гирею, предлагавшая покровительство ему на случай его „безвременья“, т. е. лишенія Крымскаго престола²⁾; грамоты къ царскому брату царевичу Издѣмирю и къ племяннику ихъ Довлешу съ приглашеніемъ на службу въ Россію³⁾; грамота къ Ширинскому мурзѣ Довлетеку, сыну Именекову, знатному вельможѣ крымскому, также съ приглашеніемъ на русскую службу⁴⁾; въ томъ же смыслѣ грамоты къ князю Таманскому Захарю Гуль Гурсису⁵⁾; грамоты къ богатымъ гостямъ Захаріи-Сварѣ еврею и Асану съ предложеніемъ первому пріѣзда въ Мос-

¹⁾ Тамъ же стр. 2—6; 9; 11—12; 18—19; 20—21. Съ проектами сравн. подлинныя шерстныя грамоты Менгли Гиреевы отъ 1474 и 1480 г., въ Собр. Гос. Гр. и Догов. ч. V, №№ 1 и 4. Въ послѣдующее время Иоаннъ уже не требовалъ отъ своего союзника новыхъ шертей, довольствуясь двумя прежними.

²⁾ Тамъ же, стр. 22. Грамота была послана царю по его желанію и по его почти списку слово въ слово: Иоаннъ охотно выдалъ ее и подтвердилъ крестнымъ пѣлованіемъ; отсюда названіе грамоты „крѣпостная или крѣпкая“: стран. 21—22. Она же въ Собр. Г. Г. и Д. V, № 3.

³⁾ Стран. 100 и 145. Оба царевича, изгнанные изъ Крыма, проживали въ Литвѣ, сторожили Киевскую Украину отъ своихъ соплеменниковъ, татаръ крымскихъ; Иоаннъ не разъ пробовалъ склонить ихъ на пріѣздъ въ Москву, но не успѣлъ въ своемъ намѣреніи.

⁴⁾ Стран. 28. Эта грамота также называется „крѣпкою“, т. е. утвержденной отъ самого великаго князя. Названный мурза не побѣхалъ въ Россію, да и живя въ Крыму не былъ крѣпкимъ сторонникомъ русскаго союза: онъ былъ изъ колеблющихся совѣтниковъ Менгли Гирея и започившихъ. „А съ Ширинны царь живетъ не гладко“, доносилъ посоль князь Василій Васильевичъ Ромодановскій великому князю, въ 1491 году: стр. 119.

⁵⁾ Стран. 72 и 77. Къ тому же князю Таманскому, иначе Захаріи „черкашенину“, иначе еще „фрязину“, относятся упоминанія на стр. 114 и 309. Въ указателѣ къ крымской книгѣ напрасно смѣшаны Захарія или Сварья еврей съ этимъ княземъ таманскимъ или черкасскимъ, по происхожденію дѣйствительно итальянцемъ; равнымъ образомъ напрасно также отличается Захарія фрязинъ какъ будто особое лицо отъ князя Таманскаго: на самомъ дѣлѣ это есть одно и то же лицо. Въ своемъ мѣстѣ мы надѣемся обстоятельнѣе разъяснить дѣло этого князя, на котораго Московскій государь обратилъ вниманіе, и котораго не разъ звалъ на службу къ себѣ, хотя все безуспѣшно.

кву, а другому съ просьбой о разныхъ услугахъ¹⁾.

в) Грамоты великаго князя къ царю Менгли Гирею по дѣламъ особой важности. Въ обыкновенныхъ случаяхъ рѣчь Іоанна къ его крымскому союзнику были передаваемы черезъ пословъ да гонцовъ или устно, или на письмѣ въ спискѣ „посольства“, и только въ особо важныхъ случаяхъ писался царю грамоты съ торжественными титулами, въ высшихъ выраженіяхъ, съ тѣмъ, чтобы обратить все вниманіе царя на предметъ посольства, придать дѣлу особо важный тонъ²⁾.

г) Грамоты проѣзжія и вѣрюція посламъ, а также грамоты къ воеводамъ и намѣстникамъ и къ разнымъ приказнымъ лицамъ касательно встрѣчи и прохода пословъ, проѣзжающихъ въ Крымъ; сюда же относятся грамоты по тому же предмету въ Рязань къ родственному великокняжескому семейству и къ князьямъ служилымъ на Сѣверской украинѣ, Семену Ивановичу Стародубскому и Васплю Ивановичу Шемячичу³⁾. Впрочемъ что касается вѣрющихъ собственно грамотъ посламъ, пущимъ къ царю Менгли Гирею, то здѣсь онѣ не имѣли мѣста: послы и гонцы достаточно были акредитованы тѣмъ, что доставляли царю списки „посольства“ и другіе документы, да поминки отъ великаго князя; въ особой вѣрющей грамотѣ послѣ того уже не представлялось надобности въ отношеніи крымскихъ пословъ и гонцовъ⁴⁾.

Крымскіе „пріѣзды“ обычно состоятъ изъ многочисленныхъ *ярлыковъ*,

¹⁾ Стран. 41; 45; 71; сравн. предшеств. примѣчаніе.

²⁾ Тамъ же стр. 184—185; 189—190; 212—213: первая грамота отъ іюня 1493 года, вторая отъ мая 1495 г. обѣ по дѣламъ литовскимъ, въ первомъ случаѣ во время войны Іоанна съ Литовскимъ великимъ княземъ Александромъ Казимировичемъ, во второмъ—послѣ мира съ нпмъ: сначала требовалось поднять царя на „общаго недруга“, а потомъ успокоить царя, когда тотъ сталъ тревожиться и пенять Іоанну за то, что онъ, безъ вѣдома царя, помирился съ великимъ княземъ Литовскимъ, да и породнился. Обѣ грамоты составлены въ выраженіяхъ очень дипломатичныхъ. Сравн. еще грамоту съ торжественными титулами отъ 1492 года, по турецкимъ дѣламъ: стран. 161—162.

³⁾ Стран. 215—216; 262; 353; стр. 365—366 и 411—413 (грамоты въ Рязань); 415; стр. 441—442 (память приставу, провожающему пословъ и подорожная ему); стр. 443; 496—497; 502; 511; 555 (къ сѣверскимъ князьямъ) и проч.

⁴⁾ Мы имѣемъ въ виду одинъ только документъ такого рода, именно вѣрющую грамоту, врученную Никифору Доманову, который имѣлъ вести переговоры съ Таманскимъ княземъ Захаріей: стран. 77. Въ одномъ мѣстѣ книги встрѣчаемъ выраженіе про татарскую грамоту—„вѣрющей ярлыкъ“: стран. 7. Посламъ въ Турцію давался „вѣрюція“: стран. 233. Также и посламъ въ Австрію: Пам. диплом. снош. I, стр. 21; 84; также и посламъ къ императорскому двору: П. Цирлингъ, Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ, стр. 49; 135.

т. е. писемъ отъ царя Менгли Гирея, начинающихся обыкновенно выраженіемъ „Менгли Гиреево слово“, отъ членовъ его семейства, отъ вельможъ и придворныхъ людей царя. Эти ярлыки посылаются каждый разъ въ большомъ количествѣ, иногда цѣлыми кучами, такъ сказать. Главное содержаніе ихъ—выпрашиванье подарковъ отъ великаго князя. Особую группу ярлыковъ составляютъ тѣ, кои писаны отъ лица Нуръ-салтанъ царицы: они очень любопытны по содержанію и по тону письма, ласковому и дружественному, по заботливости материнской о родныхъ сыновьяхъ Магметъ Аминѣ и Абдыль Летифѣ, подручникахъ Московскаго государя, который съ своей стороны оказываетъ ей постоянное вниманіе, посылаетъ каждый разъ особые поклоны и подарки: умная почтенная царица много помогала поддержкѣ хорошихъ отношеній Іоанна къ Менгли Гирею и царямъ казанскимъ, его пасынкамъ, а царицынымъ-роднымъ дѣтямъ; не въ примѣръ другимъ ярлыки царицы отличаются еще особымъ благородствомъ тона¹⁾. Всѣ крымскіе ярлыки были переводимы въ Посольскомъ приказѣ по русски, и въ дословномъ переводѣ почти всѣ были внесены въ книгу (т. е. за время съ 1491—1505 г., какъ было выше указано). Но то достойно особеннаго замѣчанія, что нѣкоторые ярлыки отъ царя были написаны прямо по русски, съ помощью русскихъ подъячихъ, по объясненію царя „лихихъ дѣля людей“; не ясно только, какихъ лихихъ людей онъ разумѣетъ: степныхъ ли татаръ, которые могли перехватить въ дорогѣ его татарскія грамоты, и удобнѣе прочесть ихъ, нежели русскія грамоты, или же какихъ нибудь ненадежныхъ людей въ самомъ Крыму, близъ его особы, которые бы захотѣли передать секретное содержаніе грамотъ постороннимъ недругамъ; вѣроятно же впрочемъ, что царь разумѣетъ первыхъ, т. е. степныхъ татаръ Золотой орды²⁾.

Что касается *словесныхъ порученій* изъ Крыма, то онѣ обычно совпадаютъ по содержанію съ ярлыками; поэтому подъ 1493 годомъ, въ началѣ „пріѣзда“ замѣчается, напримѣръ: „лѣта 7001, генваря пришли отъ Менгли Гирея послы его Муныр мурза, да Оюзъ дуванъ съ Лобаномъ съ Колычевымъ вмѣстѣ. А что въ грамотахъ писано, то и рѣчь“³⁾.

¹⁾ Есть и къ ней одна грамота отъ великаго князя, относящаяся къ первымъ годамъ ея пріѣзда въ Крымъ и брака съ Менгли Гиреемъ: стран. 59. Грамотъ отъ царицы къ великому князю Московскому, отъ Менгли Гирея въ особенности, отъ его семейныхъ и приближенныхъ такъ много въ крымскихъ „пріѣздахъ“, что здѣсь не представляется нужды въ особыхъ цитатахъ: пріѣзды обычно состоятъ изъ этихъ грамотъ, явче ярлыковъ. Для образца смотр. дѣло подъ № 39-мъ: въ немъ 22 ярлыка!

²⁾ Стран. 155; 320; 328—330; 377. Изъ Кафы также иногда посылались грамоты на русскомъ языкѣ: стран. 390—394.

³⁾ Стран. 171. Сравн. то же выраженіе въ ногайскомъ пріѣздѣ: стр. 237.

Послѣ ярлыковъ и рѣчей крымскихъ пословъ видное мѣсто въ „пріѣздахъ“ занимаютъ *донесенія* русскихъ пословъ изъ Крыма. Исполняя наказъ своего государя собирать „вѣсти“ о положеніи дѣлъ въ Крыму, въ Турціи, въ Валахіи, въ Литвѣ, о взаимныхъ отношеніяхъ политическихъ разныхъ странъ Востока, объ отношеніяхъ Крыма къ Золотой Ордѣ и Литвѣ въ особенности, русскіе послы дѣйствительно отправляли Іоанну подробныя донесенія о томъ, что они слышали и что лично видѣли: по наблюдательности и по дѣловитости содержанія, эти донесенія представляютъ едва ли не самый важный разрядъ документовъ въ крымской посольской книгѣ. Видно, что послы Іоанна были люди достойные своего государя и порученнаго имъ дѣла: умные, наблюдательные, твердые характеромъ, прагматически ловкіе люди; любили читать ихъ отчетливыя, дѣловитыя депеши¹⁾. Въ ихъ донесеніяхъ не столько уже рѣчей, сколько прямыхъ извѣстій, вѣрныхъ наблюденій и точныхъ свѣдѣній, да не мало и любопытныхъ слуховъ; впрочемъ слухи они выдаютъ только за слухи, отличаютъ ихъ отъ настоящихъ извѣстій.

За то въ древней крымской книгѣ нѣтъ статейныхъ списковъ; сколько намъ извѣстно, въ дипломатическихъ памятникахъ времени Іоанна III отсутствуетъ и самый терминъ „статейный списокъ“, столь обычный въ XVI-мъ и особенно въ XVII-мъ вѣкѣ²⁾. Это отсутствіе статейныхъ списковъ нужно, по нашему мнѣнію, понимать такъ, что въ большинствѣ случаевъ послы и гонцы исполняли свое посольское дѣло буквально по наказу, въ чемъ убѣждался и Посольскій приказъ, а самъ великій князь, такъ что они не считали уже нужнымъ требовать отъ пословъ особыхъ отчетовъ, особенно послѣ тѣхъ аккуратныхъ донесеній, кои доставлялись ими съ мѣста службы, да разныхъ

¹⁾ Не станемъ цитовать этихъ донесеній или грамотъ изъ Крыма русскихъ пословъ и гонцовъ: онѣ многочисленны въ крымскихъ „пріѣздахъ“. Отмѣтимъ только, что, кромѣ собственно грамотъ пословъ, въ книгу вставлены еще „отвѣты“ царя, сообщенные посламъ, какъ наприм. на стр. 51 и 73, да еще маленькія замѣтки пословъ, ими привезенные изъ посольства, какъ „списочки“ Дмитрія Шеина, упоминаемые на стран. 74—75. Это—документы, однородные съ донесеніями.

²⁾ Въ 1495 году посламъ, провожавшимъ въ Вильну великую княжну Елену Ивановну, невѣсту Александра Казимировича, великаго князя Литовскаго, было наказываемо: „да опослѣ вѣнчанія назавтрее или на третій день князю Семену и Михайлу послати къ великому князю гонца съ грамотою, а въ грамотѣ описать о всемъ тамошнемъ дѣлѣ именно, какъ по дорожѣ ѣхали, и гдѣ встрѣчи были, и какъ въ Вильну вѣхали, и какъ у вѣнчанія были, и гдѣ вѣнчались, и кто вѣнчалъ,—о всемъ о тамошнемъ по статѣ имъ описать подлинно, какъ было“. Сборн. Рус. Истор. Общ. т. 35, стр. 169. Ниже грамота называется „спискомъ“; по выраженія „статейный списокъ“ всетаки еще нѣтъ.

увѣдомленій съ дороги и изъ самаго Крыма. Во всякомъ случаѣ статейныхъ списковъ въ XV вѣкѣ еще не писалось; будь они писаны, они вошли бы конечно въ посольскія книги, или по крайней мѣрѣ были бы гдѣ-нибудь упомянуты.

Какъ въ отпускахъ, такъ и въ прїездахъ находимъ много грамотъ, имѣющихъ то или другое отношеніе къ крымскимъ посольскимъ дѣламъ. Таковы суть грамоты татарскихъ царей и царевичей другъ къ другу: грамота царя Айдара, брата Менгли Гиреева, въ Россіи проживавшаго, къ его женѣ въ Крымъ съ просьбой, чтобы она вмѣстѣ съ сыномъ прїѣзжала къ нему, въ Русь¹⁾; грамоты царя золотоордынскаго Муртазы, сына Ахматова, къ великому князю Московскому, и къ Нордоулату, царю Касимовскому, о томъ чтобы возстановить Нордоулата на крымскомъ престолѣ²⁾; грамоты Магметъ Амния, царя Казанскаго, къ его вочиму царю Крымскому и къ родной матери, Нурь-салтанъ царичѣ³⁾; грамоты ногайскихъ мурзъ Муси и Ямгурчея къ Крымскому царю⁴⁾.

Если великій князь Іоаннъ сообщалъ своему союзнику и другу интересныя документы, касающіяся до царя Касимовскаго, то Менгли Гирей въ свою очередь платилъ ему тѣмъ же, сообщалъ ему иногда посольскіе документы, исходившіе изъ Литовской государственной канцеляріи, имѣвшіе особый интересъ для Іоанна⁵⁾. Наконецъ въ крымскую же книгу вошли нѣкоторые документы по сношеніямъ съ волошскимъ воеводой, Стефаномъ Великимъ, сватомъ Іоанна и нѣсколько документовъ, относящихся до посольства Карачарова и Ралева, ѣздившихъ въ Италію⁶⁾. Не малую часть книги занимаютъ

¹⁾ Сборн. т. 41, стр. 37. Грамота была писана въ 1483 году, слѣдоват. уже изъ заключенія въ Вологдѣ. Сравни. объ этомъ бывшемъ царѣ крымскомъ въ книгѣ В. В. Вельяминова-Зернова, Исслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, I, стр. 126—131.

²⁾ Тамъ же стр. 68—69. Обѣ грамоты попали въ Москву, и обѣ были сообщены великимъ княземъ его крымскому союзнику, вопреки ожиданію Муртозы царя; Касимовскому же царю грамота, по всей вѣроятности, не была сообщена. Документы—очень важныя по содержанію и по особому восточному стилю.

³⁾ Тамъ же стр. 146—147; 207. Сравни. тутъ же грамоту Магметову къ Іоанну. Отвѣты Менгли Гирея и Нурь-салтанъ царичи—тамъ же на стр. 108; 154; 177.

⁴⁾ Тамъ же стран. 207—208; письма къ нимъ Менгли Гирея на стр. 154—155.

⁵⁾ Тамъ же стр. 330—332; 448—449. Сравни. еще на стран. 279.

⁶⁾ Стран. 23—24; 41—44; 166—168; 172; 181; 242—243. 356—357; 417—418; 424; 426—429; 431—433; 440—441; 451; 463; 466; 469—470;

дѣла по сношеніямъ съ Кафою и съ Цареградомъ¹⁾, а въ печатное изданіе книги вошли и ногайскія дѣла²⁾. Подобно крымскимъ дѣламъ, тѣ и другія состоятъ изъ „посольствъ“, „наказовъ“, „грамотъ“ и прочихъ документовъ, укладывающихся въ обычныя категоріи отпусковъ и приѣздовъ.

Таковы разнообразныя документы, изъ коихъ составлена посольская книга времени Іоанна III-го, или точнѣе сказать сборникъ посольскихъ дипломатическихъ дѣлъ: ибо она содержитъ больше готовыхъ документовъ въ подлинникахъ, нежели изложенія или пересказа ихъ. Всѣ эти документы хранятся въ Посольскомъ приказѣ или въ подлинникахъ, или въ черновыхъ спискахъ: отсюда естественный шагъ къ составленію изъ нихъ тетрадей, потомъ и цѣлой книги.

Достойна замѣчанія та тщательность, съ какою въ Приказѣ записывалась всякаго рода дѣла, большія и малыя: все записывалось на бумагу; все дѣлопроизводство въ Приказѣ сразу приняло письменный характеръ. И въ Московскомъ Государственномъ приказѣ, и въ Крымской канцеляріи скоро привыкли къ этому письменному дѣлопроизводству, съ обѣихъ сторонъ же-

475—476; 479: тутъ и на другихъ страницахъ есть свѣдѣнія болѣе или менѣе отрывочныя о сношеніяхъ со Стефаномъ. Въ книгѣ, какъ послѣ въ Волохи, упоминаются дьякъ Сухово, Ив. Ив. Субота, Ив. Ив. Ощеринъ, Ѳедоръ Аксентьевъ, Никита Нардуковъ, земскій дьякъ, убитый въ пути азовцами: смотр. указатель къ книгѣ. Грамота посла Суботы къ вел. князю на стр. 195; грамота Аксентьева на стр. 255.

О долголѣтнемъ путешествіи Карачарова и Ралева въ Италію для найма мастеровъ и о ихъ задержкѣ на обратномъ пути воеводою Стефаномъ справ. въ книгѣ по указателю.

¹⁾ Сношенія съ Кафою были гораздо древнѣе и гораздо чаще чѣмъ съ Цареградомъ. Главный интересъ ихъ—торговля и обезпеченіе правъ русскихъ гостей, туда ѣздившихъ. Смотр. указатель подъ словами „Кафа“, „Магометъ Шихъзода“, кафинскій намѣстникъ, сынъ турецкаго султана Баязета II, „Кутузовъ-Лапня“ Андрей Семеновичъ посолъ въ Кафу, „Салый“ кафинскій посолъ въ Москву и проч.

Въ Царьградѣ при Іоаннѣ III были два посольства: одно съ Михаиломъ Андреевичемъ Плещеевымъ въ 1496—1498 г.г. смотр. дѣла подъ №№ 50 и 54; другое съ Александромъ Яковл. Голохвастовымъ въ 1499 году: см. дѣла подъ №№ 60 и 62,—и въ разныхъ мѣстахъ книги болѣе или менѣе мимоходомъ упоминанія о сношеніяхъ съ Турціей, сначала при посредствѣ крымскаго Менгли Гирея.

²⁾ Дѣла ногайскія въ печатную книгу вставлены подъ №№ 23; 25 6; 33; 44; 52; 77; 99. Подлинная архивная книга ногайскихъ дѣлъ подъ 1 представляетъ собой одно цѣлое, обнимающее дѣла по сношеніямъ съ огайскими мурзами съ 1489—1509 годы: половина ихъ относится ко времени Іоанна III-го, она и вошла въ крымскую печатную книгу; другая половина, пока не напечатанная, относится къ первымъ четыремъ годамъ княженія Василія III-го.

дали для всего записей, документовъ. Приведемъ изъ крымской книги нѣсколько подлинныхъ мѣстъ, которыя покажутъ намъ, какъ цѣнили тогда записи и какъ берегали всякаго рода записи, какъ дипломатично составляли тѣ бумаги, которыя назначались для сообщенія въ Крымъ, и какія бумаги писали только для свѣдѣнія посламъ и гонцамъ, а отнюдь не для письменнаго сообщенія кому нибудь постороннему.

Въ наказѣ гонцу Грибцу Клементьеву отъ 1487 года читаемъ: „а по сему списку выговоривши царю рѣчи всеѣ, да и списокъ царю дати тѣхъ рѣчей, а молвити такъ: чего, господине, буду не исправилъ которыхъ рѣчей, ино все списокъ“. (Сборн. стр. 60). Здѣсь мы находимъ первый случай, что крымскому царю вручается списокъ посольства чрезъ гонца; съ того времени и послы также передаютъ царю списки своего „посольства“, послѣ того какъ изговорятъ свои рѣчи. Такъ въ наказѣ послу Дмитрію Шенпу, въ томъ же 1487 посланному въ Крымъ, было сказано: „какъ выговоривши царю рѣчи все посольство, да и списокъ царю дати тѣхъ рѣчей все посольство, а молвити такъ: чего, господине, буду не исправилъ которыхъ рѣчей, ино все списокъ“. (Тамъ же стр. 65). То же сказано въ наказѣ князю Василію Ромодановскому, въ наказѣ Ивану Количову и проч. (Стран. 101; 139). Врученіе посольственнаго списка мотивируется обычно возможностью забвенія и неточной передачи нѣкоторыхъ рѣчей посломъ: мотивъ конечно правильный, но не единственный только; вѣрно то, что вручаемый списокъ становился въ нѣкоторомъ родѣ нотой Московскаго правительства, въ которой ясно и опредѣленно были излагаемы его желанія и требованія, его политическіе виды. Подъ предлогомъ забывчивости своего посла, Іоаннъ въ сущности посылалъ ноту своему союзнику, Крымскому царю.

Что забвеніе и нѣкоторыя недоразумѣнія были однако возможны въ дѣйствительности, и притомъ не только со стороны русскихъ пословъ, доказываетъ дѣло Тимоея Игнатьевича Скрябы, посланнаго въ Крымъ въ 1481 году. Въ наказѣ это послу было между прочимъ писано: „а захочетъ Менгли Гирей царь пойти на Литовскую землю, и Тимоею говорити такъ: осподарь мой, князь велики велѣлъ тобѣ бити челомъ, чтобы еси пожаловалъ пошелъ на Ахмата царя, или кто иной на томъ юртѣ будетъ царь; а о томъ мнѣ не приказалъ бити челомъ, чтобы тобѣ на Литовскую землю пойти“. Дѣло въ томъ, что Іоаннъ въ это время не желалъ воевать съ Казимиромъ, королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ, ни поднимать на него царя Крымскаго; онъ находилъ для себя лучшимъ, чтобы царь воевалъ противъ Золотой Орды, откуда какъ разъ возможны были враждебныя движенія, послѣ гибели хана Ахмата въ предыдущемъ 1480 году. Неизвѣстно, вполне ли точно передалъ посолъ порученныя ему рѣчи, или въ самомъ Крымѣ ихъ

поняли не вѣрно, потому ли что не успѣли вникнуть въ надлежащій ихъ смыслъ, или потому что хотѣли понять ихъ по своему: возможно то и другое вмѣстѣ. Во всякомъ случаѣ то вѣрно, что Менгли Гирей написалъ Иоанну, будто тотъ велитъ ему, царю, *помириться съ королею*. Тогда великій князь поспѣшилъ объяснить дѣло царю: „язъ къ тобѣ съ Тимоееемъ съ Скрябою какъ того не приказывалъ, чтобы ты королевы земли воевати не велѣлъ, такъ есми того не приказывалъ, чтобы ты съ королемъ помирился; а приказалъ есми къ тобѣ съ нимъ о томъ, что король ко мнѣ прислалъ пословъ своихъ о любви и докончаніи, и язь къ нему своихъ пословъ послалъ¹⁾. А каково дѣло учнется дѣлати межъ насъ съ королемъ, ино то будетъ тобѣ вѣдомо: то есмь тобѣ велѣлъ сказать. И коли мой бояринъ Тимоеей говорилъ тобѣ не по моему наказу, и язь его послалъ къ тобѣ, и онъ передъ тобою“. И послѣ этого объясненія Иоанна, (слишкомъ дипломатичнаго, прибавимъ), Менгли Гирей не чувствовалъ себя убѣжденнымъ, такъ что въ наказѣ послу Михайлу Кутузову, ѣздившему въ Крымъ въ 1482 году, опять читаемъ рѣчь по тому же дѣлу: „а взмолвить Царь такъ: язь съ королемъ помирился по великаго князя приказу, что ко мнѣ приказалъ о томъ съ своимъ бояриномъ съ Тимоееемъ, и Михайлу говорити такъ: осподарь мой князь великъ того къ тобѣ съ Тимоееемъ не приказывалъ; а коли бы къ тобѣ о томъ съ Тимоееемъ приказалъ, и онъ бы тобѣ его не выдавалъ“²⁾.

Мы привели эти выдержки изъ крымской книги въ образцѣхъ искусныхъ дипломатическихъ рѣчей, можетъ быть даже излишне тонкихъ, дававшихъ поводъ къ недоразумѣніямъ. Трудно рѣшить, кто и сколько былъ дѣйствительно виноватъ въ недоразумѣніяхъ по поводу этихъ рѣчей. Одно ясно, что для избѣжанія подобныхъ недоразумѣній было правильнѣе писать въ Крымъ отчетливыя ноты, тѣмъ болѣе что посоль, доставляя ноту, не изводился все таки чрезъ это на степень гонца, простого передатчика грамоты; онъ имѣлъ всегда много говорить сверхъ того, что было писано въ „посольствѣ“.

Итакъ списки посольства, эти настоящія ноты Московскаго правитель-ства, вручались царю. Не то было съ „памятями“. О нихъ, напримѣръ, въ отпускѣ Грибца Клементьева читаемъ: „а сесь списокъ памятной Грибцу

¹⁾ Царю эти посольскія сношенія Иоанна съ Казимиромъ показались подозрительными; онъ вообще все время опасался, какъ бы Московскій государь не помирился съ Литовскимъ, и чрезъ то не поставилъ бы его въ затруднительное положеніе. Царь не понималъ, что прочнаго мира у Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ не могло быть никогда.

²⁾ Страл. 27; 29; 33. Въ чемъ именно состояла эта выдача посла царю, не видно изъ книги. Можетъ быть это была „выдача головой“, или простая высылка посла для извиненій и объясненій на очной ставкѣ въ Крыму.

держати себѣ, а царю его не давати, ни иному-никому отъ себя не отдавати“. (Стр. 61). Или въ отпускѣ 1501 года: „память князю Феодору Ромодановскому. Попроситъ у него царь Менли Гирей посольства списокъ, что ему рѣчь говорилъ, и князю Феодору дати ему списокъ съ посольства; а съ памяти ему списокъ царю не давати“. (Стран. 313). Но особенно интересны для занимающаго насъ вопроса строки въ отпускѣ князя Ив. Семёнов. Кубенскаго. „Память князю Ивану Кубенскому. Ажь дастъ Богъ будетъ у Менли Гирея у царя, да и рѣчи выговоритъ царю отъ великаго князя всѣ, и князю Ивану царю молвити: чего, господине, буду не исправлять которыхъ рѣчей государя своего, ни во се списокъ, что государь мой со мною наказывалъ“. Впрочемъ это мы видѣли уже изъ приведенныхъ выше примѣровъ; новы и интересны дальнѣйшія подробности: „и ты, господине, съ того списка вели списати тѣ рѣчи татарскимъ письмомъ. Да дати списати списокъ по татарски съ посольства у себя. А отъ себя списка не давати¹⁾. А захочетъ самъ царь по татарски писати, и князю Ивану велѣти подъячему передъ собою у царя списокъ чести, а толмачю толмачити. А царь пишетъ, или кому велѣти писати, а списка русского не давати²⁾. А что списки дапы князю Ивану памяти, опрчь посольства, и тѣхъ списокъ князю Ивану царю не связывати, ни являти, вѣдати ихъ себѣ. А о чемъ велѣно царю говорити, или отвѣчати, какъ въ тѣхъ спискахъ писано, и князю Ивану говорити наизустъ, а списка не давати. Да беречи князю Ивану накрѣпко того, чтобы Менли Гирей царь съ великимъ княземъ съ литовскимъ не мрился, ни канчивалъ“—(въ этомъ собственно была задача посла князя Кубенскаго, и въ этомъ—содержаніе его „памятей“: стран. 307—308, въ отпускѣ 1500 года).

Итакъ не всѣ „посольства“ вручаемы были царю въ русскомъ спискѣ; нѣкая сообщалась только для перевода. Причина понятна: опасались, чтобы русская грамота не попала при случаѣ въ руки литовскимъ посламъ, что могло повести къ лишнимъ толкамъ, или къ упрекамъ со стороны литовской, что Московскій де князь поднимаетъ Крымъ на Польшу и т. п. Пусть правду отношеній Россіи къ Крыму и къ Польско-Литовскому государству хорошо знали въ Литвѣ; но всё таки нежелательно было распространеніе дальнѣйшихъ толковъ чрезъ сообщеніе въ Литву русскихъ документовъ. Что же касается „памятей“, т. е. инструкцій посламъ, то онѣ нѣкоимъ образомъ не сообщались въ крымскую канцелярію: онѣ были писаны для пословъ и ни для

¹⁾ Т. е. списывать въ собственной квартирѣ посла, а не въ ханской канцеляріи, или въ иномъ мѣстѣ, заочно отъ посла.

²⁾ Заслуживаетъ особаго вниманія эта подробность, что самъ царь иногда брался за письмо. Она доказываетъ живой интересъ Менли Гирея къ дипломатіи, и его образованность въ известной мѣрѣ: онъ умѣлъ читать и писать.

кого больше. Въ нихъ секретныя порученія особой важности, которыя нужно было высказать и внушить, но не оставлять на письмѣ, чтобы при случаѣ совсѣмъ ихъ такъ сказать „замолчать“.

Названный посолъ, князь Иванъ Семеновичъ Кубенскій, не благополучно доѣхалъ до Крыма: въ степи на него напали татары золотоордынскіе, да турецкіе бозакп изъ Азова, пограбили и захватили въ неволю нѣсколькихъ спутниковъ посла. Самъ онъ спасся, но вынужденъ былъ потопить въ водѣ свои посольскіе документы: онъ не допустилъ, чтобы документы попали въ руки непріятелей, и по пріѣздѣ въ Крымъ правилъ свое посольство наизусть, что могъ припомнить. Такъ какъ однако въ Посольскомъ привазѣ остались черновые списки документовъ, то они все таки вошли въ посольскую книгу на подлежащемъ мѣстѣ. (Стран. 321. Сравн. выше дѣло подъ № 64).

Однажды, когда были перехвачены стеними татарами грамоты отъ посла Алексѣя Заболотскаго къ великому князю, послѣдній потребовалъ отъ своего посла написать, каковаго именно содержанія были перехваченныя грамоты. (Тамъ же стран. 191).

Нѣкоторыя грамоты, какъ посольскія инструкціи, не разъ возвращались обратно въ Посольскій приказъ, или потому что однѣ инструкціи замѣнялись другими, или же потому что послы и гонцы не успѣли доѣхать до мѣста назначенія: тѣмъ не менѣе и эти возвращенныя документы были вставлены въ посольскую книгу подъ соответствующими годами¹⁾.

Иногда, присылеѣ документовъ крымскому послу для него и для другихъ лицъ, его увѣдомляютъ, сколько именно послано грамотъ, и требуютъ, чтобы посолъ записалъ для себя на память количество полученныхъ грамотъ. (Стран. 427). Очень часто посламъ сообщаются копии съ грамотъ, писанныхъ къ царю: „а какову еси грамоту послалъ къ царю,—пишетъ обычно великій князь—и язъ съ тое грамоты послалъ къ тебѣ списокъ“. (Стран. 185. Сравн. на стран. 191; 343; 363; 484; 499). Посламъ не рѣдко посылаются дополнителныя инструкціи въ Крымъ: „и какъ тебѣ царю противъ того отвѣчати, и язъ тебѣ послалъ тому списокъ, и ты бы ему отвѣчивалъ по списку“. (Стран. 186; 195 и др.). Самп послы желаютъ точнѣйшихъ дополнительныхъ

¹⁾ Стран. 187—189; 239—241; нѣсколько разъ были перемѣняемы инструкціи Ивану Григорьевичу Мамонову: дѣла подъ №№ 65; 67 и 69; также послу Ивану Ивановичу Ощерпну—стран. 525. Любопытно слѣдующее мѣсто: „да то тебѣ вѣдомо, что Шигъ Ахметъ царь пришелъ въ Кіевъ, и какъ тебѣ нынѣ про Шигъ Ахмета говорятъ, ино тебѣ послалъ тому запись дьякъ нашъ Болдырь за своею печатью, и ты бы то говорилъ по тѣмъ записемъ; и что у тебя писано въ посольствѣ о Шигъ Ахметѣ царѣ и въ записехъ, и ты бы то вырѣзавъ да къ Болдырю прислалъ съ Михалемъ, за своею печатью“; стр. 509.

инструкцій изъ опасенія, какъ бы не оказаться не исполнительными, или же не превысить своихъ полномочій. (Стран. 163—164). Но строгій Иоаннъ всё таки предоставлялъ своимъ посламъ извѣстную свободу въ ихъ дѣлѣ; не разъ въ книгѣ читаемъ отъ его имени такія слова посламъ: „а берёгъ бы еси нашего дѣла о всемъ по нашему наказу, и какъ тебя Богъ вразумитъ“. (Стран. 371; 426 и друг.). Въ самомъ дѣлѣ: нельзя было до мелкихъ подробностей все предвидѣть въ наказѣ; да и не было въ томъ надобности для умныхъ пословъ его: довольно было для нихъ общихъ руководящихъ принциповъ. Наконецъ бывали такія важныя секретныя рѣчи, что ихъ не писали даже въ „памяти“ посламъ. Такъ въ 1503 году послу Ивану Никитичу Беклемпшеву даво было словесное порученіе, записанное и вошедшее въ книгу уже послѣ: „а се приказалъ князь велики Ивану словомъ, а запись ему не дана. Да говорити Ивану царю: царь господине! Литовской къ тебѣ послалъ своего посла о миру, да и ко государю нашему своихъ пословъ слалъ о миру, а къ Шигъ Ахметю, господине царю, напередъ того своего посла послалъ, и онъ (т. е. король польскій и литовскій великій князь Александръ Казимировичъ) вѣдь то, господине, посылаетъ къ вамъ нынѣ того дѣла, чтобы ему то время нынѣ прошло¹⁾, что ему помочи нѣтъ некоторые; а опъ, господине, себѣ въ ту пору помочи добываетъ, откуда бы ему на васъ навести вашихъ недруговъ“. (Стран. 462). Таково было секретное порученіе на словахъ послу Беклемпшеву: дѣло было очень delicate, щекотливое,—и его опасались изложить на бумагѣ.

Мы привели эти данныя изъ крымской книги въ примѣръ того, какъ аккуратно составлялись и береглись документы дипломатическіе, какъ полно они вносились въ посольскую книгу; мы видимъ здѣсь самыя приемы и первые моменты составленія какъ отдѣльныхъ записей, такъ и самой книги, включившей въ себя всё записи, всё рѣчи. Сборникъ вышелъ очень полный и очень содержательный.

Изъ сдѣланнаго обзоренія состава книги,—признаемся—не полного и не столь отчетливаго, какъ желалось бы, читатели все таки успѣли конечно замѣтить, какъ богато содержаніе этой древнѣйшей посольской книги Московскаго государства. Въ заключеніе прибавимъ немного общихъ замѣчаній о значеніи ея, какъ источника историческаго.

Вся книга есть прямой, весьма обильный источникъ для исторіи того дѣла, которое она описываетъ, то есть посольскихъ и дипломатическихъ сно-

¹⁾ Т. е. король-де проводить только время, надѣется вскорѣ выйти изъ затруднительнаго положенія.

шеній Россіи съ Крымомъ въ начальный, лучшей періодъ ихъ жизни, когда, благодаря искусству Іоанна III-го, былъ приобрѣтенъ въ лицѣ Менгли Гирея довольно постоянный энергичный союзникъ: въ смыслѣ источника книга есть дѣловитая современная исторія отношеній Московскаго государства къ Крымской Ордѣ, не простая лѣтопись въ древнерусскомъ значеніи слова, а именно исторія документальная и отчетливая, своеобразный цѣнный трудъ Посольскаго приказа: современному историку остается проверить и дослѣдовать книгу, освѣтить ее съ новой точки зрѣнія.

Но сверхъ прямыхъ данныхъ о главномъ дѣлѣ, которому книга посвящена, въ ней находится много свѣдѣній о дѣлахъ прикосновенныхъ къ главному и о дѣятеляхъ второстепенныхъ, о внутренней жизни Московскаго государства, равно и Крымской Орды, да и всего мусульманскаго міра татарско-турецкаго. Намѣтимъ главныя рубрики.

- а) Царское семейство Менгли Гирея и его родичи и свойственники въ Крыму.
- б) Его родичи внѣ Крыма,—въ Россіи и въ Литвѣ.
- в) Его ближайшіе совѣтники вельможи и его довѣренныя лица не изъ вельможъ.
- г) Занятія рядовыхъ татаръ промыслами, торговлей и земледѣліемъ.
- д) Религіозные обычаи, вѣрованія и повѣрья татаръ, а также правовые обычаи ихъ.
- е) Отношенія Крыма къ Турціи въ начальный періодъ подчиненія Крыма и установленія порядковъ совмѣстныхъ отношеній съ Турціей.
- ж) Отношенія Крыма къ Золотой Ордѣ въ періодъ возвышенія перваго и распаденія другой.
- з) Отношенія къ Литовскому государству при Хаджи Гирейѣ и его сынѣ Менгли Гирейѣ.
- и) Евреи, итальянцы, турки и другіе иноплеменники въ Крыму и въ отношеніяхъ ихъ къ Руси.
- і) Крымъ, какъ торговый обширный рынокъ.
- к) Торговля русскихъ гостей въ Крыму и въ Турціи.
- л) Пути и средства сообщеній Руси съ Востокомъ.

И многое другое, кромѣ намѣченнаго, можетъ и должно быть предметомъ изслѣдованія на основаніи древней крымской книги: навѣрное изслѣдователь будетъ наведенъ на многія соображенія и научные выводы; всякій любознательствующій читатель найдетъ для себя въ книгѣ много полезныхъ свѣдѣній и много удовольствія. Изложеніе книги ясное и стройное, языкъ образцовый по чистотѣ и правильности,—безыскусственный дѣловой языкъ. При такомъ богатомъ содержаніи и при достоинствахъ изложенія древняя крымская книга оказывается изъ разряда тѣхъ источниковъ, которые чѣмъ называются вводятъ прямо внутрь исторической эпохи. По крайней мѣрѣ мы, читая

и по мѣрѣ силъ изучая книгу, вынесли такое именно убѣжденіе объ ея исторической важности; мы очень желаемъ, чтобы другіе чпатели ея вынесли такое же убѣжденіе изъ знакомства съ этою драгоцѣнною книгой, а чтобы ученые оріенталисты помогли намъ въ изученіи ея, а пменно переводныхъ татарскихъ документовъ, въ нее вписанныхъ.

29 апрѣля 1894 г.

Нѣжинъ.

М. Беренковъ.

